На правах рукописи

Савина Анфиса Даниловна

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА О. ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНА В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Европы)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2020

Работа выполнена в Отделе русской литературы конца XIX – начала XX века ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Научный руководитель:

Полонский Вадим Владимирович,
доктор филологический наук, член-корреспондент РАН

Официальные оппоненты:

Богомолов Николай Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Мильчина Вера Аркадьевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского при ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»

Защита состоится 1 октября 2020 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д.002.209.02 при ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН: www.imli.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук Быстрова Ольга Васильевна

Общая характеристика работы

Напряженная пульсация культурной жизни эпохи рубежа XIX–XX вв., обусловленная совокупностью самых разных факторов (исторических, социальных, политических, собственно культурных), предполагала активизацию межкультурных взаимодействий, открытость мировому художественному опыту, обострение интереса к искусству иных стран. Становление русского символизма предопределило повышенное внимание к европейскому «новому искусству» и особенно французскому символизму. В задачи отечественных апологетов этого течения входило не только создание оригинальных текстов и философско-эстетическое обоснование сущности «новой поэзии», но и формирование «родословной», выбор мэтров, обращение к которым позволило бы узаконить модернизм в глазах читателей. В поисках близких по духу авторов русские модернисты ориентировались не только на собственное восприятие зарубежных предшественников, но и на оценки европейских собратьев по перу, так как к концу XIX в. французский символизм уже находился на этапе развитой саморефлексии и автометаописаний, о чем свидетельствует появление ряда книг с очерками о творчестве и биографии поэтов символистского круга. Одним из авторов, потенциально претендующих на то, чтобы быть воспринятым и принятым в круг важных для отечественного модернизма писателей, оказался поздний французский романтик **О. Вилье де Лиль-Адан** (1838 – 1889).

Литературное наследие французского автора разнообразно: два сборника юношеских стихотворений, философский роман-трактат «Изида», шесть драм (среди которых и откровенно романтические, и «социальные», и символистская «драма идей»), научно-фантастический роман «Будущая Ева» и множество новелл, в которых писатель предстает то устремленным в запредельное мистиком, то сатириком, зло высмеивающим современные нравы. Характерной чертой творчества писателя становится особо напряженная контроверза между отвергаемым миром позитивистской современности и сферой чаемого идеалистического инобытия.

Большая часть написанного Вилье де Лиль-Аданом была прочитана и осмыслена в России конца XIX – начала XX в. Диапазон способов рецепции его наследия очень широк: от точечных обращений и контекстных упоминаний до серьезного влияния на мировоззрение и творчество (случай М. Волошина). Отсылки к имени или образности писателя встречаются в самых разных контекстах, к его произведениям обращались такие деятели «серебряного века», как И. Анненский, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, В. Брюсов, М. Волошин, Н. Бердяев, В. Пяст [В. Пестовский], Мирэ [А.М. Моисеева] и др. Тематическая и стилистическая неоднородность текстов Вилье позволяет каждому автору найти свою «точку сцепления» с его произведениями, для нас же всякий случай рецепции важен как возможность глубже понять особенности творчества (критического, переводческого, художественного) того или иного отечественного писателя и литературного процесса эпохи в целом, которые без этого соотнесения остаются вне поля зрения ученых.

Русские модернисты рубежа XIX–XX вв. нередко пробовали себя в роли культуртрегеров, пытаясь повлиять на вкус широкой аудитории. Предпринятые русскими поклонниками творчества Вилье попытки представить писателя отечественной публике, сопрягаясь с определенным тенденциями развития российского книжного рынка (появление символистских издательств, нарастание моды на модернистскую литературу), формировали динамику рецепции писателя в России. Осмысление особенностей восприятия личности и творчества О. Вилье де Лиль-Адана в литературе рубежа XIX–XX вв. представляется актуальным и важным.

Предметом исследования являются особенности восприятия личности и творчества О. Вилье де-Лиль-Адана в России конца XIX – начала XX в.

Объект исследования: известные и новонайденные упоминания в периодической печати и письмах, рецензии, критические статьи отечественных литераторов, в которых фигурирует имя Вилье де Лиль-Адана или образы из его произведений, переводы (в том числе «затерянные» в периодической печати и неопубликованные) произведений писателя, появившиеся в России с конца 1880-х

по 1920-й г., а также тексты деятелей эпохи «серебряного века», в которых выявлены пересечения с его творчеством. Нижняя хронологическая граница определяется первыми появлениями имени Вилье в русскоязычной печати, верхняя – публикацией в ГИЗ драмы «Освобождение» в переводе С.А. Полякова (1920). На этом первом советском переводе, выполненном, однако, литератором, сыгравшим заметную роль в культуре «серебряного века», уже сказался идеологический диктат времени. Советское литературоведение серьезно сместило акценты в восприятии писателя.

К анализу привлечены материалы фондов библиотек и архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа (ОР РГБ, РГАЛИ, ОР ИМЛИ РАН, ОР РНБ, РО ИРЛИ РАН, Национальной библиотеки Франции); использовались общие и специализированные каталоги (каталог переводов во ВГБИЛ, картотека Н.Н. Бахтина и картотека С.А. Венгерова в РО ИРЛИ РАН), указатели содержания журналов, данные «Книжной Летописи Главного Управления по делам печати». Значимым источником фактографических сведений послужил для нас научный аппарат выпущенного Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) РАН Собрания сочинений и писем М.А. Волошина[1]. Кроме того, картина восприятия Вилье де Лиль-Адана в интересующий нас период уточняется благодаря воспоминаниям непосредственных участников литературного процесса: упоминания о Вилье фигурируют в мемуарной прозе Г. Чулкова, М. Цветаевой, С. Маковского, А. Белого и др.

Степень научной разработанности проблемы. Во французском литературоведении существует немало работ, посвященных судьбе и творчеству Вилье де Лиль-Адана. На рубеже XIX–XX вв. публикуются материалы авторов, лично знакомых с Вилье (очерки Р. Дарзана, П. Верлена, Т. де Визева, Г. Кана, монография Р. Понтависа де Гессея и др.). С появлением в 1910 г. монографии Э. де Ружмона «Villiers de l'Isle-Adam: biographie et bibliographie» можно говорить о том, что жизнь и произведения Вилье де Лиль-Адана стали объектом научного

[1] *Волошин М.А.* Собрание сочинений: [в 13 т., 17 кн.]. М.: Эллис Лак 2000, Эллис Лак, 2003 – 2015. В дальнейшем при цитировании используется сокращение «ССВ» с указанием номера тома и страницы.

интереса. В период между изданием двух Собраний сочинений Вилье (1910 – конец 1980-х гг.) внимание ученых сосредоточено на документальных разысканиях, исследовании биографии и текстологии (отметим многочисленные работы Э. Другара и А. Рэтта). Выход в свет полного собрания сочинений писателя (1986), написанной А. Рэттом тщательно выверенной биографии[2] и коллоквиум в честь столетия со дня его смерти положили начало современному этапу, характеризующемуся более глубоким изучением поэтики Вилье де Лиль-Адана, интересом к его драматургии и роману «Будущая Ева».

В отечественной науке подходы к изучению творчества писателя складывались постепенно. Весомый вклад в знакомство русского читателя с его произведениями внесла дореволюционная критика (работы З.А. Венгеровой, Л.Я. Гуревич, А.В. Гольштейн, М.А. Волошина, В.Я. Брюсова и др.) и советские литературоведы (статьи Н.Я. Рыковой, Н.И. Балашова, В.Е. Балахонова), вводившие творчество Вилье де Лиль-Адана в научный оборот.

На рубеже XX–XXI вв. творчество Вилье де Лиль-Адана все чаще привлекает внимание филологов (работы Н.В. Тишуниной, Е.Е. Дмитриевой и др., диссертации Д.Б. Абдуллаевой, Н.М. Хачатрян), переиздаются произведения писателя, а в исследовательской литературе ставится актуальная для нас проблема русской рецепции его творчества. Литературоведами рассмотрены творческие связи между Вилье и И.С. Тургеневым (статьи Р.Н. Поддубной), И.Ф. Анненским (диссертация Е.С. Островской), Ф.К. Сологубом (работы Д.В. Токарева), М.А. Волошиным (публикации Т.Н. Бреевой, П.Р. Заборова, С.М. Пинаева и др.). Влияние произведений Вилье отмечается в работах о прозе Брюсова, феномене Черубины де Габриак [Е.И. Дмитриевой] и творчестве Мирэ [А.М. Моисеевой].

Актуальность исследования определяется как возрастанием научного интереса к творчеству Вилье де Лиль-Адана при недостаточной разработанности этой темы в отечественном литературоведении, так и значимостью проблемы восприятия чужого художественного опыта в литературе «серебряного века», нацеленной на осмысление мировой культурной традиции. В контексте русско-

[2] *Raitt A.W.* Villiers de l'Isle-Adam: exorciste du réel. Paris: Librairie José Corti, 1987. 461 p.

французских контактов и взаимодействий в рассматриваемый период Вилье де Лиль-Адан оказывается весьма любопытной фигурой как автор, обязательный для прочтения в кругу русских модернистов начала XX века.

Научная новизна работы обусловлена самой постановкой проблемы, объемом вводимого в научный оборот и проанализированного материала. Рецепция творчества Вилье де Лиль-Адана в России рубежа XIX–XX вв. впервые оказывается предметом масштабного и комплексного научного рассмотрения. Впервые предпринимается целостный анализ связанной с произведениями писателя деятельности известных отечественных франкофилов – В. Брюсова и М. Волошина; системно анализируются статьи о Вилье и переводы его сочинений признанными авторами и литераторами так называемого «второго ряда» (Мирэ, Поляков и др.). В научный оборот вводятся малоизвестные и новонайденные архивные документы, атрибутированы и датированы не изучавшиеся ранее переводы произведений писателя на русский язык.

Методологической основой диссертации стало представление о том, что изучение восприятия творчества инокультурного писателя предполагает исследование как непосредственных фактов рецепции (переводов, критики, аллюзивного пласта оригинальных текстов), так и разноуровневого контекста (от эпизодов биографии и редакционной политики конкретного журнала до общих веяний эпохи), причин и обстоятельств вхождения творческого наследия иностранного автора в отечественную культурную среду. В соответствии со спецификой исследуемого материала применялись сравнительно-исторический (труды А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева, связанные с изучением *контактных связей* между русской и французской словесностью работы В.Е. Багно, Р.М. Дубровкина, П.Р. Заборова, В.В. Полонского и др.), историко-литературный (Д.Е. Максимов, А.В. Лавров, В.А. Келдыш, Л.А. Колобаева, Н.А. Богомолов, Д.М. Магомедова и др.) и биографический (В.П. Купченко, С.М. Пинаев, В.Э. Молодяков и др.) методы. Для обнаружения различных форм взаимодействия между произведениями Вилье де Лиль Адана и

принимающей их литературой использовались элементы мотивного и интертекстуального анализа.

Цель исследования: создание целостной картины восприятия творчества О. Вилье де Лиль-Адана в России конца XIX – начала XX вв., определение специфики и динамики его рецепции в этот период.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие **задачи**:

1. Определить и описать источники, в том числе малоизвестные и неизвестные, а также архивные документы, имеющие отношение к восприятию творчества Вилье де Лиль-Адана в России конца XIX – начала XX вв.
2. Установить релевантные для случая Вилье де Лиль-Адана аспекты рецепции.
3. Обозначить круг литераторов, обращавшихся к произведениям Вилье де Лиль-Адана, описать контекст, причины и особенности этих обращений.
4. Выяснить роль и место творчества Вилье де Лиль-Адана в творческом мире В.Я. Брюсова и М.А. Волошина, учитывая их серьезное увлечение французской культурой; проанализировать их отношение к творчеству Вилье де Лиль-Адана и формы, в которых оно проявилось; установить роль обоих поэтов в ознакомлении русской аудитории с произведениями писателя.
5. Проследить динамику интереса русской публики к текстам французского писателя, выявить специфику каждого этапа рецепции.

В нашем случае создание картины рецепции предполагало отбор материала и рассмотрение его в плане *аспектов* (критика, перевод, отражения в творчестве), *хронологии* (выделение этапов рецепции и определение специфики каждого этапа) и *целевой аудитории* (предназначенность кругу избранных или широкой читательской аудитории).

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в нем на конкретном материале восприятия русской читательской аудиторией иностранного писателя демонстрируются общие рецептивные модели кросс-культурной коммуникации в переломную эпоху рубежа XIX–XX веков и специфические тенденции русско-французских литературных отношений, анализируется проблематика деятельности межкультурных посредников, среди

которых оказываются и признанные поэты, и малоизвестные сейчас деятели культуры. При этом по ходу работы устанавливаются и уточняются детали творческой биографии некоторых русских писателей, расширяются и корректируются сложившиеся представления о литературном процессе рассматриваемого периода. Безусловно, в центре нашего внимания оказываются тексты литературных деятелей эпохи **русского** «серебряного века», однако материал и задачи диссертации обусловили необходимость системного исследовательского обращения к вопросам истории и поэтики **французской** литературы.

Практическая значимость работы: результаты диссертации могут быть использованы при подготовке изданий переводов Вилье де Лиль-Адана на русский язык, при разработке университетских курсов по истории русской литературы конца XIX – начала XX в., французской литературы второй половины XIX в., в спецкурсах и исследованиях, посвященных русско-французским литературным связям, русскому модернизму, французскому предсимволизму, а также творчеству О. Вилье де Лиль-Адана, В.Я. Брюсова, М.А. Волошина, Д.С. Мережковского и др. Некоторые частные наблюдения могут быть учтены при изучении истории и практики художественного перевода в России.

Положения, выносимые на защиту:

1. О. Вилье де Лиль-Адан, который по популярности и широте воздействия на отечественный культурный процесс рубежа веков не мог сравниться с такими франкоязычными авторами, как Бодлер, Верлен или Метерлинк, оказал, тем не менее, значимое влияние на литературу русского «серебряного века», отражающее характерные эстетические тенденции времени. Рецепция его наследия проявляется на разных уровнях литературной системы: и в переводах, и в критике, и в художественной практике русских авторов (влияние текстов французского писателя на стилистику и образность их сочинений), и в общих жизнетворческих процессах модернистской эпохи.

2. В 1890-е гг. сатирические и психологические новеллы Вилье де Лиль-Адана появлялись в периодической печати разной направленности, однако вектор

критического осмысления творчества писателя был намечен идеалистическими исканиями определенного круга российской интеллигенции. Идеализм писателя воспринимался как мировоззренческая установка, напрямую связанная с антибуржуазностью (антипозитивизмом) и культом творчества.

3. Корпус русских переложений из Вилье де Лиль-Адана характеризуется широким качественным диапазоном и позволяет выявить разнообразные переводческие стратегии. К творчеству писателя обращались как известные поэты-модернисты (И.Ф. Анненский, З.Н. Гиппиус, В.Я. Брюсов), увлеченные поэтикой прозы французского автора, так и переводчики-профессионалы, в большей степени ориентированные на вкусы широкой аудитории.

4. Последовательный интерес **В. Брюсова**, обращавшегося к творчеству Вилье в качестве критика, переводчика, новеллиста, восприимчивого к существующей традиции, был вызван и литературными пристрастиями, и культуртрегерскими интенциями лидера русского символизма, стремившегося ознакомить русского читателя с европейским автором – предшественником литературы fin de siècle. При этом доминантой брюсовского осмысления творчества французского мэтра стала проблема литературной репутации, связи писателя и читательской аудитории.

5. Серьезное увлечение творчеством Вилье де Лиль-Адана отразилось в художественной практике и биографии **М. Волошина** – интерпретатора судьбы и творчества французского автора. Заметную роль в волошинском восприятии «Акселя» сыграло знакомство со штейнерианскими идеями, что сказалось и в переводе пьесы, и в статье о ней. Розенкрейцеровская драма прочитывается Волошиным как произведение об освобождении человеческого духа, в то же время при анализе текста критик выходит к целому ряду важнейших вопросов: проблемам национального характера, соотношения *мыслимого* и *реального*, свободного поиска истины. Работая над переводом «Акселя», Волошин с особым вниманием отнесся к передаче приподнятой стилистики драмы – в ряде

случаев русский текст даже превосходит оригинал торжественностью художественного регистра.

6. С выходом первого русского сборника новелл Вилье де Лиль-Адана «Жестокие рассказы» (1908) можно говорить о **новом этапе** рецепции писателя, характеризующемся появлением относительно массовых изданий его произведений. Пик популярности Вилье в России приходится на 1909 – 1912 гг. (возрастает количество произведений в периодической печати, появляется несколько отдельных сборников новелл, выпущено трехтомное собрание сочинений). В дальнейшем интерес к его творчеству идет на спад, что, однако, не отменяет переизданий существующих сборников и появления ряда новых переводов.

Апробация работы проводилась на научных конференциях, среди которых: ежегодная Всероссийская конференция аспирантов и молодых ученых (Москва, ИМЛИ РАН, 2013, 2014), Международная научная юбилейная конференция «Брюсовские чтения – 2013» (Москва, 2013), Всероссийская научная конференция «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» (Новосибирск, 2013), XV Международная конференция молодых филологов «Актуальные вопросы литературоведения» (Таллин, 2014), Международная научная конференция «Круг Мережковских: к 150-летию со дня рождения З.Н. Гиппиус» (Москва, 2019). Результаты исследования обсуждались на заседаниях Отдела русской литературы конца XIX – начала XX века ИМЛИ РАН. По теме диссертации опубликовано 10 работ, среди которых 6 статей в журналах, входящих в перечень ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (430 позиций) и двух приложений, в которых представлены русские переводы из Вилье де Лиль-Адана и посвященные его творчеству критические работы рубежа XIX–XX веков.

Основное содержание работы

Во введении определены объект, предмет, цель и задачи исследования, обоснованы новизна и актуальность темы, представлены историография вопроса,

научная и методологическая основа работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Ранний этап рецепции (1889 – 1908)

Глава начинается с преамбулы, в которой обосновываются хронологические рамки первого этапа и выбор материала. В первом параграфе первой главы (***«Французские источники»***) речь идет о публикациях французских символистски ориентированных авторов рубежа XIX–XX вв., известных русским ценителям французской словесности. Рассмотрены очерки П. Верлена, Т. де Визева, А. Франса, Р. де Гурмона, Г. Кана, а также работы С. Малларме и Р. Понтависа де Гессея, ставшего первым биографом писателя.

В этих текстах, зачастую особо эмоциональных, складывается возвышенный образ писателя, творческие замыслы которого были слишком прекрасны, чтобы до конца воплотиться в реальности. Все критики подчеркивают философский характер творчества Вилье де Лиль-Адана, отмечая присущий ему идеализм, безусловную веру в преимущество идеального мира над реальным, отразившуюся в произведениях и наложившую отпечаток на биографию. Почти все касаются вопроса о читательском отношении к Вилье, указывая, что стремление к высокому, проницательная оценка современности, стиль и музыкальность прозы писателя дают ему право на признание публики.

Отношение французских современников Вилье де Лиль-Адана сказалось на русских критических работах о писателе, проанализированных в параграфе ***1.2. «Критика 1890 – 1900 гг.: З. Венгерова, К. Медведский, Л. Гуревич».*** В 1890 – нач. 1900-х. гг. статьи о Вилье де Лиль-Адане появляются в периодических изданиях совершенно разной направленности (либеральный «Вестник Европы», консервативный «Русский вестник», органы «легального марксизма» «Жизнь» и «Северный курьер»). Однако во всех работах присутствует общий вектор: творчество Вилье соотносится с культурой fin de siècle, а сам он видится представителем/предтечей французского символизма (критиками отмечены идеалистические устремления писателя, особое отношение к слову, своеобразие творческой судьбы).

Отдельного внимания заслуживает критическая деятельность «русской парижанки» А.В. Гольштейн, которой посвящен параграф ***1.3. «Вилье де Лиль-Адан в оценках А.В. Гольштейн»***. Помимо опубликованной в «Научном слове» обобщающей статьи о символизме, в которой Гольштейн указывает на роль Вилье в становлении течения, нами подробно рассмотрен принадлежащий перу критика более ранний литературный портрет писателя (Русские ведомости. 1902. № 33. С. 3) и история появления этого текста, интересная в связи с причастностью к ней Вяч. Иванова и М. Волошина. Планируемый А.В. Гольштейн и Вяч. Ивановым сборник переводов французских прозаиков-«идеалистов» не получил поддержки со стороны руководителей «Скорпиона» (в первую очередь, Брюсова), некоторые переводы из Вилье и очерк о нем были предложены Гольштейн «Русскому богатству», однако В. Короленко, заинтересовавшись «физиономией» писателя, счел выполненные переводы слишком слабыми. Согласно нашему предположению, именно этот очерк появился в «Русских ведомостях» под названием «Французский писатель-идеалист. Вилье де Лиль-Адан».

Параграф ***1.4. «“Северный вестник”. Драма “Мятеж” (“La Révolte”)»*** посвящен первому опубликованному в России драматическому произведению Вилье де Лиль-Адана (Северный вестник. 1897. № 10. С. 129—151). В пьесе «La Révolte» ярко отразились и отношение автора к действительности, и его установка на обновление театра, и характерные принципы поэтики Вилье (акцент на смене тональностей, стремление следовать Вагнеру в создании словесных лейтмотивов). Внешний конфликт основан на противостоянии самодовольного буржуа Феликса и его супруги, в монологах которой отражается идеализм автора. Своей антипозитивистской направленностью и предвосхищением феминистической темы драма Вилье вполне отвечала редакторским установкам А. Волынского и Л. Гуревич. Обнаруженный нами в архиве документ (РГАЛИ. Ф. 2197. Оп. 1. Ед. хр. 711) позволяет атрибутировать перевод Софье Аароновне Мочан, которой принадлежит несколько публикаций, связанных с темой женской эмансипации.

Отличительными особенностями пьесы становятся «поэтика повторений» (G. Jolly), способствующая созданию внутренней цельности драмы, и важность

внутреннего – «лирического» – действия при минимальной внешней событийности. Проанализировав функционирование ключевых слов в тексте драмы (*réalité, rêve, sens commun,* etc.) и их передачу в русском переводе, мы приходим к выводу, что драма замыкается в кольцо не только на сюжетном, но и на лексическом уровне, а проигрыш героини подтверждается ее переходом на язык супруга. Однако в результате допущенных в переводе замен и опущений не только нивелируются авторские приемы, но и сглаживается своеобразие персонажей Вилье. В то же время используемые переводчицей стилистические средства позволяют сохранить внутреннее действие, присущее исходному тексту и основанное на изменении состояний персонажей. Анализ языка драмы и перевода демонстрирует характерное для Вилье де Лиль-Адана повышенное внимание к *слову*. Своеобразие поэтики писателя, с трудом поддающейся переводу, стало одной из причин последующих обращений к прозе французского автора русских поэтов «серебряного века».

Параграф ***1.5. «Переводы И.Ф. Анненского из Вилье де Лиль-Адана. Преломление античной темы»*** посвящен И.Ф. Анненскому, переложившему на русский язык две новеллы писателя – «Забавы граций» и «Нетерпение толпы». «Забавы граций», оставшиеся в рукописи, уже становились предметом исследовательского рассмотрения в диссертации Е.С. Островской, поэтому наше основное внимание было сосредоточено на второй новелле, опубликованной в «Мире Божьем» (1902. № 5. С. 219—224). Действие новеллы происходит во время сражения при Фермопилах, однако под античными декорациями скрывается отношение автора к *современному* человеку и *современной* толпе. В обращении к древнегреческой теме новелла Вилье оказалась созвучной русскому поэту, лейтмотивом драматургии которого стало отражение «души современного человека» в «античном сюжете». Среди особенностей перевода можно отметить стремление к подчеркнутой выразительности языка (характерная для Анненского – переводчика Еврипида – «игра анахронизмами» (М.Л. Гаспаров), сочетание декадентски-изощренных образов с прозаизмами, использование парафраз, добавление отсутствующих в оригинале эпитетов); внимание к особенностям

повествовательной техники (меняя графику оригинала, Анненский отчетливей выделяет внутреннюю речь героев) и, наконец, отражение музыкальности новеллы. Как показало сопоставление французского и русского вариантов, внимательный к содержательным, повествовательным и стилистическим особенностям оригинала Анненский остался верен собственному переводческому методу, предполагающему не точное следование авторскому тексту, но передачу, а порой и усиление производимого *впечатления*.

Параграф ***1.6. «Творчество Вилье де Лиль-Адана в кругу Мережковских. “Убийца лебедей”»*** состоит из двух подразделов. В первом из них – ***«Новеллистика Вилье де Лиль-Адана в “Новом пути”. Перевод З.Н. Гиппиус»*** – рассмотрены новеллы Вилье, опубликованные в руководимом Мережковскими журнале. История публикации рассказа «Герцог Портландский» (переводчики В. Бидо и Л. Голдрин) дает нам основание полагать, что один из переводчиков – Леонид Федорович Голдрин – был шуйским приятелем К. Бальмонта, через которого перевод, вероятно, и попал в журнал. Более того, в планах Бальмонта было издание русской версии сборника новелл Вилье де Лиль-Адана «Histoires Souveraines», однако этот замысел не осуществился.

Особенное внимание в разделе уделено переведенной З. Гиппиус новелле «Убийца лебедей», героем которой становится позитивист-буржуа Трибюла Бономе – любитель музыки, душащий лебедей, чтобы насладиться их последней песней. В переложении Гиппиус отражена стилистическая неоднородность оригинала и емко передано психологическое состояние героев. Судя по русскому тексту, именно «(само)довольство» становится для Гиппиус смысловой доминантой понятия «буржуазность». Яркая контрастность художественной структуры новеллы, гротескность фигуры Бономе в сопряжении с глубоко символичными образами лебедя и лебединой песни позволяют Д. Философову и Д. Мережковскому использовать сочинение Вилье для иллюстрации собственных идей.

Статьи Мережковского и Философова рассмотрены в следующем подразделе – ***«Образы Вилье де Лиль-Адана в публицистике Д.В. Философова и***

Д.С. Мережковского». В заметке Философова «Нигилисты» (Весы. 1904. № 6. С. 45—48), посвященной газете «Новое время», образы Вилье получают очевидную расшифровку: истинному искусству противостоит не способная к пониманию высокого критика. Спустя десятилетие сюжет новеллы трактует Мережковский, заметно раздвигая ее символические горизонты. В статье «Убийца лебедей» (сборник «Невоенный дневник. 1914 – 1916») скрытый от доктора Бономе смысл лебединой песни становится символом истинной духовной культуры, отвергнутой современным человечеством. Это, однако, не первый случай обращения Мережковского к творчеству Вилье: очевидное сходство некоторых мировоззренческих установок (неприятие позитивизма, утилитаризма и «духовного мещанства») и ранее позволяло русскому писателю использовать новеллы Вилье в своей публицистике. В частности, в качестве небольшой иллюстрации один из рассказов французского автора фигурирует в известной статье Мережковского «Грядущий Хам» (1906).

В главе сделан вывод о том, что количество связанных с именем Вилье де Лиль-Адана публикаций невелико. Они печатались как в модернистских («Северный вестник», «Новый путь», «Весы»), так и в немодернистских изданиях («Развлечение», «Мир Божий», «Русские Ведомости» и др.), но Вилье оставался скорее автором для небольшого круга ценителей французской словесности.

Глава 2. Валерий Брюсов. «Жестокие рассказы» в России

Во **второй главе** исследования мы обращаемся к критической, редакторской, переводческой деятельности В. Брюсова, связанной с восприятием и популяризацией произведений французского автора, а также касаемся прозаического творчества русского поэта.

Первый параграф – ***«Сквозь призму Верлена: знакомство В. Брюсова с творчеством Вилье де Лиль-Адана»*** – посвящен этапу знакомства будущего лидера русского символизма с творчеством Вилье. Среди источников, из которых молодой Брюсов получил первое представление о французском символизме в целом и о творчестве Вилье де Лиль-Адана в частности, особое место занимает сборник Верлена «Проклятые поэты». Как нам удалось установить, раннее

стихотворение Брюсова («В темные волны лживых кудрей…», 1893), считающееся переводом из Вилье, является вариацией на тему нескольких строк, процитированных Верленом в своем эссе об этом авторе. Восьмистишие Брюсова, в котором прощание с возлюбленной вызвано не разочарованием в любви (как в оригинале), а непререкаемой волей рассудка, властвующего над «грезами», органично вписывается в контекст поэтических и дневниковых записей русского поэта. Существенно, что верленовский акцент на «проклятости» Вилье де Лиль-Адана сказался в дальнейших оценках Брюсовым творческой судьбы писателя.

Во втором параграфе – ***«“Весы”. Заметки Гурмона. “Пантеон”. “Жестокие рассказы”»*** – восстанавливается предыстория и история выхода в свет первого русского сборника новелл Вилье де Лиль-Адана, изданного с предисловием и под редакцией Брюсова.

В первом подразделе рассмотрена единственная развернутая публикация о Вилье в «Весах» – брюсовский перевод «Страниц из Записной книжки о Вилье де Лиль-Адан» Р. де Гурмона (Весы. 1906. № 6. С. 44—51). Оригинал подвергся серьезной корректировке, однако в русской версии сохранился сделанный Гурмоном акцент на необходимости пересмотреть историю французской литературы XIX в., а из заметок вырисовывается своеобразие если не произведений, то личности писателя.

Во втором подразделе – ***«Книгоиздательство “Пантеон”. “Жестокие рассказы” под редакцией Брюсова: состав, перевод, предисловие»*** – речь идет о начальном этапе существования книгоиздательства «Пантеон», создатели которого планировали «собрать шедевры мировой литературы и сделать их достоянием русского читателя»[3]. Приглашенный основателем издательства З.И. Гржебиным к сотрудничеству, именно В.Я. Брюсов определил облик одного из первых вышедших в «Пантеоне» «шедевров» – сборника новелл Вилье «Жестокие рассказы». Анализ состава русского сборника, в который вошли 7 (в переизданиях – 8) из 28 новелл, позволяет говорить о том, что русским читателям

[3] *Вилье де Лиль-Адан О.* Жестокие рассказы. СПб.: Пантеон, 1908. С. 115.

Вилье де Лиль-Адан был представлен скорее в образе увлеченного таинственным и необычайным романтика, чем в роли критика общественных нравов.

Перевод, выполненный Б. Рунт, несмотря на «редакцию» символистского мэтра, содержит множество погрешностей, связанных в большей степени с невниманием к русскому языку, чем с непониманием оригинала – авторитетное имя Брюсова не обеспечило обещанную в проспекте книгоиздательства «точность и художественность перевода».

Большое внимание в данном разделе уделено написанному Брюсовым предисловию, в котором русский автор даже более резко, чем Реми де Гурмон, выражает несогласие с установившейся иерархией литературных репутаций и предсказывает ее изменение, в том числе – «канонизацию» творчества Вилье. В ходе анализа выявлено, что кроме «Страниц из записных книжек…» Гурмона, выдержки из которых приводятся в предисловии, источником текста послужила вступительная глава книги Шапуто «Вилье де Лиль-Адан: писатель и философ» (Shapoutot H. Villiers de L'Isle-Adam: l'écrivain et le philosophe. Paris: M. Delesalle, 1908. 264 p.), сохранившейся в архиве Брюсова. Анализ маргиналий, сосредоточенных на страницах книги, позволяет проследить работу русского автора: почти все выделенные карандашом фрагменты в том или ином виде вошли в текст брюсовского предисловия, однако поэт серьезно переиначивает стилистику, вытягивая из многословного эмоционального текста немногочисленные факты.

В третьем подразделе – ***«Отклики в печати. Рецензии Д.В. Философова и М.А. Волошина»*** – рассмотрены появившиеся после выхода сборника рецензии, среди которых две развернутые статьи (Д. Философова и М. Волошина) и ряд подписанных инициалами мелких откликов. Философов и Волошин оценивают русскую версию «Жестоких рассказов» с совершенно разных позиций. Для Философова деятельность «Пантеона» становится поводом поразмышлять над проблемами разграничения классической и декадентской литературы и насущных потребностей массового русского читателя, для Волошина – создать восторженный литературный портрет «непризнанного гения». К изданной

«Пантеоном» книге Волошин обращается во второй части рецензии, сосредоточив свое внимание на единственной ярко сатирической новелле сборника «Машина славы». Большинство остальных рецензентов варьируют тему таланта и непризнания писателя, а также сопоставляют его творческую манеру с поэтикой Э. По.

Выход сборника сыграл важную роль в отечественной рецепции творчества французского писателя: после 1908 г. увеличилось количество произведений Вилье в периодической печати, появилось несколько отдельных изданий его рассказов, было выпущено трехтомное собрание его сочинений.

Следующий параграф второй главы – ***«Новеллы Вилье де Лиль-Адана в “Русской мысли”. Перевод В.Я. Брюсова»*** – посвящен попытке Брюсова представить русскому читателю другой сборник Вилье де Лиль-Адана – «Histoires insolites». В 1910 г., став редактором литературного отдела «Русской мысли», Брюсов публикует в этом журнале свой перевод двух *сатирических* новелл Вилье, в которых заданная сюжетом тема смерти соотносится с внутренним мотивом духовного омертвения современного автоматизированного мира. В параграфе рассмотрены подход Брюсова к выбору материала для беллетристического отдела (произведения должны были отвечать критериям «читабельности» и «литературности»), причины, побудившие его обратиться к этим новеллам Вилье (желание представить недавно вышедший во Франции сборник, увлекательность и «нешаблонность» раскрытия темы), особенности переводов (стремление передать четкость и лаконичность оригинала, присутствие некоторых мелких отступлений, безукоризненное переложение синтаксиса).

В параграфе ***2.4.*** «***Брюсов-критик о Вилье де Лиль-Адане»*** проанализированы посвященная Вилье статья Брюсова из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона и сохранившиеся в архиве русского писателя рукописные материалы. На этот раз базовым источником информации Брюсову служит вышедшая в 1910 г. монография Ружмона (сохранилась в архиве писателя). Сравнение брюсовской статьи из энциклопедического словаря с появившимся двадцатилетием ранее аналогичным

текстом З.А. Венгеровой позволяет выявить принципиальную разницу в восприятии: если у Венгеровой на первый план выходит мистическая и мечтательная сторона таланта писателя, то у Брюсова в качестве характерной черты творчества Вилье подчеркивается «тонкая ирония, направленная против духа современной культуры» и сатирические интенции французского автора[4].

Кроме того, в фонде Брюсова ОР РГБ (Ф. 386. Картон 47. Ед. хр. 19) нами обнаружено 8 архивных листов рукописного текста (архивная датировка – 1910-е гг.), представляющие собой фрагменты работ о творчестве Вилье де Лиль-Адана. Анализ рукописи, содержащей и рассуждения о степени известности и признанности Вилье, и разбор конкретных новелл, позволяет сделать вывод, что обращение Брюсова к текстам Вилье вызвано не только симпатией к творчеству французского автора, но и пристальным вниманием к проблеме взаимодействия писателя и читательской аудитории, корреляции таланта и (не)признания.

Наконец, в последнем параграфе этой главы – ***«Новеллистика Вилье и малая проза Брюсова»*** – мы обращаемся к двум прозаическим текстам русского символиста: святочному рассказу «Защита», вошедшему во второе издание сборника «Земная ось», и послереволюционному рассказу-памфлету «Торжество науки», в которых, по нашему предположению, проявилось влияние новеллистики Вилье.

В малой прозе В. Брюсова ярко отразились особенности его творческой личности, характерная для писателя установка на совмещение новаторских исканий с освоением существующего в культуре опыта. Разрабатывая собственную манеру прозаического письма, в основе которой зачастую лежат сюжетно-стилевые эксперименты, Брюсов обращается к художественной практике разных авторов, среди которых имя Вилье де Лиль-Адана занимает важное место.

Анализ нарративной структуры рассказа, проведенный в подразделе ***2.5.1. «Опыт переосмысления мистического сюжета: “Вера” Вилье де Лиль-Адана и “Защита” В.Я. Брюсова»***, позволяет соотнести «Защиту» не только с

[4] *Брюсов В.* Вилье-де-Лиль-Адан // Новый энциклопедический словарь. Ст. 596.

творчеством Э. По и русской традицией (в научной литературе отмечались связи этого текста с произведениями Жуковского и Пушкина), но и с новеллистикой Вилье де Лиль-Адана. Показано, что история о «живой» любви героини к мертвому мужу зеркально и в сжатой форме отражает мистическую новеллу «Вера».

В результате анализа сделан вывод о том, что, обращаясь к жанру святочного рассказа, далеко не всегда относимому к высокой литературе, Брюсов основным принципом его переосмысления делает иронию. Ирония достигается с помощью формальной игры, основанной на многоуровневом повествовании и обыгрывании образов разнотипных произведений и художественных систем. При этом мистические тексты («Каменный гость», «Вера»), реализуя заявленную в предисловии к сборнику «Земная ось» идею размытости границы «между миром реальным и воображаемым», получают ироническую интерпретацию. Однако нельзя забывать, что в ироническом переигрывании мистики заложено потенциальное ее утверждение.

В рассказе «Защита» Брюсов обходит стороной философскую основу новеллы Вилье де Лиль-Адана. Тем не менее в игре с категориями истины и лжи, составляющей подтекст святочного рассказа, вполне можно увидеть отражение брюсовской философии – концепции множественности истин.

В подразделе ***2.5.2. «Традиции “антинаучной сатиры”. “Торжество науки” В.Я. Брюсова»*** показано, что, обращаясь к проблеме соотношения морали и прогресса в своем рассказе-памфлете, Брюсов во многом наследует традицию «антинаучных» новелл-пародий французского автора.

Рассказ «Торжество науки» – брюсовский опыт создания фантастического гротеска, сравнимый с новеллами Вилье («Аппарат для химического анализа последнего вздоха», «Лечение по методу доктора Тристана», «Подвиг доктора Галлидонхиля» и др.), в которых прогресс науки ведет к «победе» над природой и Богом. Русский и французский авторы пользуются схожими средствами: доведение ситуации до абсурда, гротескные образы, создание сатирического эффекта на контрасте между восторженной оценкой изобретения приверженцами

позитивной науки и отношением к нему автора (и читателя), мнение которого скрыто за текстом у Вилье и эксплицировано в реакции рассказчика у Брюсова.

Интерес Брюсова к творчеству Вилье был обусловлен и литературным вкусом, и культуртрегерскими интенциями лидера русского символизма. Рассмотрение брюсовского «вильеризма» выявляет установку поэта на пересмотр иерархического канона французской литературы, а также интерес лидера русского символизма к механизму формирования писательского успеха.

Глава 3. Максимилиан Волошин и Вилье де Лиль-Адан

В **третьей главе** представлен комплексный анализ волошинского восприятия творчества Вилье де Лиль-Адана, на протяжении многих лет остававшегося одним из самых любимых авторов киммерийского поэта.

В параграфе ***3.1. «Знакомство с творчеством»*** рассмотрены первые упоминания имени Вилье де Лиль-Адана в критике Волошина, по всей вероятности, познакомившегося с творчеством писателя благодаря своей хорошей знакомой А.В. Гольштейн. В первые годы XX в. у поэта еще не сложилось собственная концепция судьбы и творчества Вилье: в парижских корреспонденциях этого времени Волошин вписывает писателя в достаточно привычные ряды авторов, соотнося его то с Верленом и Малларме, то с Уэльсом и Э. По. Ситуация меняется в 1907 г., когда поэт перечитывает «Акселя» и по-настоящему открывает для себя творчество Вилье благодаря углублению собственных познаний в философии и мистической традиции. Впечатление от драмы отразилось в рецензии Волошина «Некто в сером» (Русь. 1907. № 157. С. 2), посвященной Л. Андрееву.

В параграфе ***3.2. «“Непризнанный гений”. Рецензия на “Жестокие рассказы” (Русь. 1908. 23 мая)»*** с точки зрения генезиса и особенностей письма Волошина-критика охарактеризована его первая посвященная Вилье де Лиль-Адану работа – рецензия на вышедший в «Пантеоне» сборник новелл. В рецензии проявляется характерная для критики Волошина «мозаичность»: авторский комментарий переплетается с цитатами из произведений Вилье и фрагментами работ французских критиков. Среди текстов, на которые опирался Волошин в

своей статье, – воспоминания Малларме, «Литературные прогулки» и «Книга масок» Реми де Гурмона, «Дневник» братьев Гонкуров, «L'Art en Silence» К. Моклэра. Кроме того, источником знаний русского критика о Вилье служили устные беседы с парижскими знакомыми – в первую очередь, с Р. Гилем и А.В. Гольштейн.

Рассматривая содержание рецензии Волошина (ярче высветить некоторые тезисы позволяет сопоставление с более ранним «фельетоном» Гольштейн), мы приходим к выводу, что уже в этой работе русского поэта складывается тот мифотворчески-преображенный образ писателя, восхищение перед которым Волошин сохранил на протяжении всей жизни. Рецензия в «Руси» содержит положения, развернутые позднее в статье «Апофеоз мечты. (Трагедия Вилье де Лиль-Адана "Аксель" и трагедия его собственной жизни)», среди которых выделяются три важных тезиса. Во-первых, утверждение, что «реальное существование Вилье де Лиль-Адана было великолепной антитезой грандиозной мечты его». Именно эта мысль ложится в основу противопоставления «реальностей духа» «реальностям здравого смысла», составляющего важную часть более поздней статьи Волошина. Во-вторых, определение значения, которое Вилье вкладывал в понятие «золото» (отнюдь не равное понятию «деньги») – «вся полнота жизни», «полнота мечты». В-третьих, акцент на превосходстве мечты над действительностью, более того, *сознательно* сделанном Вилье де Лиль-Аданом выборе Мечты. Кроме того, в отличие от «Апофеоза мечты…» статья в «Руси» выявляет еще один ракурс восприятия Волошиным произведений Вилье, связанный с прозорливостью французского автора, понявшего «демоническое значением *машины* в жизни человека» [5]. Подобное отношение к машине позднее отразилось в волошинском цикле «Путями Каина. Трагедия материальной культуры».

Параграф ***3.3. «"Аксель" Вилье де Лиль-Адана в переводе Волошина»*** посвящен истории создания и анализу перевода сложнейшей пьесы Вилье де Лиль-Адана «Аксель», предвосхитившей искания символистской драматургии.

[5] Волошин М.А. Лики творчества. Вилье де Лиль-Адан // Русь. 1908. № 141. 23 мая. С. 2.

Как отмечается в первом подразделе (***«История создания и публикации перевода»***), работа над переводом велась весной-летом 1909 г. Не получив ожидаемого согласия С.К. Маковского на публикацию перевода в «Аполлоне», Волошин предлагал текст разным изданиям, среди которых «Мусагет», «Грядущий день», «Ясень», «Омфалос», «Вестник теософии». Предпринимались некоторые попытки сценического воплощения «Акселя»: в 1913 г. драму предполагали поставить в школе пластического танца Э.И. Рабенек.

Впервые волошинский перевод «Акселя» в полном объеме был опубликован П.Р. Заборовым в 2003 г., позднее вошел в Собрание сочинений Волошина. Для научной публикации текста, к которому мы обращаемся, использовались два источника (рукопись и машинописная копия), ни один из которых не является беловым. Неизвестно, какой вид принял бы перевод в окончательной редакции, тем не менее существующий текст позволяет выделить ряд выразительных особенностей переводческого метода Волошина в работе над сложной художественной прозой.

Во втором подразделе (***«“Аксель”: сюжет, стиль, влияния»***) в общих чертах охарактеризовано избранное Волошиным для перевода произведение: представлен сюжет драмы, кратко обозначены стилистические особенности текста, отмечена – вслед за французскими исследователями Вилье – глубокая связь пьесы с романтической традицией (произведениями Гюго, Мюссе, Гофмана), «Фаустом» Гете и творчеством Вагнера. Подчеркнуто, что важнейшим лейтмотивом драмы является связанный с главными героями мотив Розы и Креста (Сара и Аксель — потомки членов ордена Розы и Креста, роза расцветает на пути Сары в замок Акселя и, положенная на крестообразный нож, образует знак Ордена, во время рассказа Сары «арфа наигрывает гимн розы и креста» и т.п.).

В третьем подразделе (***«М.А. Волошин о переводе прозы»***) рассмотрены взгляды М. Волошина на перевод прозы. Обращение к двум программным с этой точки зрения текстам – ранней статье «В защиту Гауптмана» и написанному спустя десять лет письму к М.В. Сабашникову, издателю книги «Боги и люди» П. де Сен-Виктора, – позволяет назвать важнейшим переводческим принципом

Волошина повышенное внимание к воссозданию *стиля* оригинала, передаваемому с помощью тщательного подбора лексики, поиска «не точного, а равносильного» (ССВ, т. 10, с. 17–18).

В четвертом подразделе (***«Перевод “Акселя”»***), учитывая наблюдения П.Р. Заборова, выявившего важные черты волошинского перевода в предисловии к публикации драмы, мы отмечаем и иллюстрируем ряд значимых особенностей русской версии разных частей тетралогии.

Волошину-переводчику, безусловно, удалось отобразить приподнятость стиля, отличающую произведение Вилье де Лиль-Адана. Стараясь воссоздать язык сложной французской драмы, Волошин с особенным вниманием отнесся к ее изощренной лексике (рассмотрено использование библеизмов, славянизмов, церковной и книжной лексики, а также разнообразные способы передачи философских и оккультных понятий). Однако, стремясь найти «не точное, а равносильное», поэт не избежал калькирования и некоторой искусственности текста (в частности, славянизмы, соседствуя с непереведенными латинскими изречениями и именами католических святых, делают еще более эксцентричной и без того изощренную риторику священнослужителя). Одновременно с шероховатостями, которые наверняка были бы устранены в окончательной редакции, в переводе встречаются фрагменты, неточный перевод которых соответствовал представлениям Волошина о философских интенциях драмы (вложенные в уста мастера Януса фразы о познании-воспоминании, связанном с развитием «всесознания», и об отречении от мгновений «в самом семени их»). Также в процессе анализа отмечены тезисы героев драмы, которые находят отражение в письмах и послереволюционной лирике Волошина (цикл «Путями Каина», стихотворение «Подмастерье»).

Ключевым текстом для понимания волошинского восприятия творчества и судьбы Вилье де Лиль-Адана является статья «Апофеоз мечты. Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни», которой посвящен **четвертый** – одноименный – параграф третьей главы.

Привлечение эпистолярия – переписки Волошина с С.К. Маковским, А.В. Гольштейн, Е.А. Зноско-Боровским – позволяет поэтапно восстановить историю создания и публикации статьи «Апофеоз мечты…». Как показано в первом подразделе ***3.4.1. «История создания и публикации»***, статью об «Акселе», законченную к августу 1909 г., и Волошин, и Маковский воспринимали как предисловие к переводу драмы. Несмотря на высокую оценку редактора, статья появилась в «Аполлоне» только в 1912 г., при этом не были учтены внесенные Волошиным правки. В итоговой редакции, опубликованной в сборнике «Лики творчества» (1914), работа состоит из трех частей: биографической канвы, предваряющей основной текст, анализа драмы (главки I – V) и «жизнеописания Вилье де Лиль-Адана» (главки VI – X), в судьбе которого критик видит «продолжение “Акселя” при условии иного выбора» (ССВ, т. 3, с. 25).

В подразделе ***3.4.2. «“Гениальная оккультная драма” в интерпретации М.А. Волошина»*** показано, что розенкрейцеровская драма прочитывается Волошиным как произведение об освобождении человеческого духа, в то же время при анализе текста критик выходит к целому ряду значимых вопросов: проблемам национального характера, соотношения *мыслимого* и *реального*, свободного поиска истины.

Характеризуя драму, Волошин проводит последовательное сопоставление между героями французской пьесы и персонажами романов Достоевского, что позволяет, с одной стороны, приблизить незнакомую и довольно сложную драму к отечественному читателю, а с другой – найти важный ракурс ее восприятия.

Основой каждой из четырех частей «Акселя» становится речь одного из героев, представляющего определенный тип мировоззрения. Останавливаясь на рассуждениях Архидиакона (католическая истина), мастера Януса (оккультная истина) и Акселя (свободный и сознательный выбор ухода от жизни, утверждающий превосходство Мечты над реальностью), Волошин для каждого из героев находит аналог в творчестве Достоевского: это великий инквизитор, Христос (из той же главы «Братьев Карамазовых»), Кириллов. Исходной точкой сравнения становится доминирование идейного начала в персонажах, однако,

если выбранные критиком герои Достоевского (великий инквизитор и Кириллов) – приверженцы собственных, рожденных долгими раздумьями теорий, то персонажи Вилье – изначально символы неизменного взгляда на мир. «Бессознательный, слепой, но личный путь» к истине важнее и вернее объективных догматов (ССВ, т. 3, с. 19)– звучание этой важной для Волошина идеи усиливается благодаря подсветке, которую дает сближение действующих лиц французской драмы с мятущимися в поисках истины героями Достоевского. Мысль о невозможности навязать/подарить человеку истину повторяется в разных текстах Волошина (письма, дневники, лирика), зачастую с апелляцией к «Акселю». Кроме того, именно благодаря Достоевскому (при сравнении самоубийства Кириллова и Акселя) в тексте Волошина появляется тема глубинных национальных отличий русских от европейцев, которая позднее будет развита в статьях поэта, посвященных театральной постановке «Братьев Карамазовых».

Однако соположение с творчеством Достоевского – отнюдь не единственный ключ к прочтению статьи Волошина о произведении и судьбе Вилье де Лиль-Адана. Понимание «гениальной оккультной драмы» приходится на время интенсивных духовных поисков поэта, огромную роль в которых сыграло тесное общение с теософкой А.Р. Минцловой и знакомство с Р. Штейнером.

Среди отсылок к потайным смыслам драмы можно назвать упоминание «Фауста» Гете (значимой для теософов и антропософов книги, автор которой, по мнению Штейнера, «принадлежал к тайному ордену розенкрейцеров»[6]), последовательное сопоставление текста Вилье с готическим собором (особое отношение к готическим храмам отразилось в цикле Волошина «Руанский собор», незавершенной книге «Дух готики»), указание на принадлежность мастера Януса к «оккультному Христианству Креста и Розы» (эта фраза, как и апелляция к Гете, выпала из второй редакции статьи), характеристика Акселя как «человека, в себе самом несущего свое солнце и которому не нужны восходы никаких солнц

[6] *Штайнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии: статьи, лекции и драматическая сцена в переводах начала века. М.: Энигма, 1997. С. 177.

внешнего мира» (этот фрагмент статьи сопрягается со строками стихотворения Волошина 1907 г. «Солнце» («Но я в своей душе возжгу иное око / И землю поведу к сияющей мечте!») с его отсылкой к теософской концепции существования двух солнц – земного и Вечного, духовного[7]).

Вся пьеса предстает как символ пути человечества, драма человеческого духа. Герои отказываются от «последних свершений» (Сара отрекается от «идеала Божественного», а Аксель – от «высшего посвящения») ради «сладости земной жизни», «земного золота». Через это падение герои получают воплощение в мире «тесных человеческих страстей». Встреча в усыпальнице Ауерспергов – испытание на пути их духовного возвышения, дарующее осознание, что «свобода на самом деле только освобождение» (ССВ, т. 3, с. 19). Найдя друг друга, юноша и девушка «должны изназвать всю землю, как Адам и Ева животных» (ССВ, т. 3, с. 21), т.е. они вновь проходят круг жизни человечества, завершающийся последним выбором Акселя. Земное золото, изначально влекущее юношу и девушку возможностью мирской власти, превращается в золото духовное, символ Абсолюта и Света несотворенного.

Обретя это золото (а Волошин не раз подчеркивает глубину этого символа в мировоззрении Вилье), они поднимаются на такую ступень Духа, за которой может последовать только «уход в небо собственного бытия» – смерть (толкуемая, возможно, в антропософском ключе – как одна из ступеней жизненного цикла человечества). Таким образом, герои в драме проходят путь постепенного духовного взросления, степень самоосознания души в Акселе достигает высочайших пределов, его сознательный выбор ухода от «старой планеты», по словам Волошина, – «завершение, увенчание огромной исторической культуры» (ССВ, т. 3, с. 24).

В то же время в статье «Апофеоз мечты…» нашли отражение размышления поэта о невозможности воплощения мыслимого (мечты, поэтического слова) в реальной жизни. Мысли о соотношении «слова» и «деяния» мы встречаем в

---

[7] *Пинаев С.М.* «В вечных поисках истоков…» // Максимилиан Волошин – поэт, мыслитель, антропософ. М.: Антропософское общество в России, 2007. С. 134.

написанной тем же летом статье «Horomedon», в которой Волошин, по собственному признанию, «скристаллизировал свою эстетику» (ССВ, т. 9, с. 467). Подтверждением мысли, что «творчество всегда есть избрание того, что могло быть и уже не случится в жизни» (ССВ, т. 3, с. 25), становится волошинская интерпретация биографии Вилье де Лиль-Адана, увиденная в двойном измерении («реальности духа» – «реальности здравого смысла»). Важным смысловым акцентом статьи оказывается утверждение права поэта видеть происходящее иначе, чем окружающие, мысленно преображать действительность, что отнюдь не мешает ему понимать «внешний мир» «в самых глубинных и непреходящих устоях своих» (ССВ, т. 3, с. 32).

В параграфе ***3.5. «Черубина де Габриак»*** доказывается, что творчество Вилье де Лиль-Адана сыграло заметную роль при осуществлении такого характерного для эпохи эксперимента, как создание Черубины де Габриак – задуманной летом 1909 г. совместной мистификации М.А. Волошина и Е.И. Дмитриевой. Общие мотивы и образы, обнаруженные в стихотворениях Черубины де Габриак, драме Вилье де Лиль-Адана и статьях Волошина («Апофеоз мечты…», «Гороскоп Черубины де Габриак»), позволяют назвать героиню «Акселя» Сару де Моперс литературным прототипом вымышленной поэтессы, а также утверждать, что на лирике Черубины-Дмитриевой сказалось знакомство с творчеством Вилье и отношение к нему Волошина.

Более того, воспоминания Волошина и Маковского позволяют предположить, что сам замысел сотворения призрачной поэтессы и идеальной возлюбленной для редактора «Аполлона» мог возникнуть под влиянием романа Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева», посвященного созданию идеальной женщины-андреиды. Статья об этом романе фигурировала среди первоначальных планов Волошина для «Аполлона».

В параграфе ***3.6. «Зимний сезон 1910 – 1911 гг.»*** рассматривается роль М. Волошина в знакомстве современников с творчеством Вилье де Лиль-Адана. Показано, что для многих представителей эпохи поэт стал интерпретатором судьбы и творчества французского автора.

Статья «Апофеоз мечты…» ложится в основу лекции о Вилье, прочитанной осенью 1910 г. на собрании при издательстве «Мусагет». Кроме того, Волошин читает свой перевод «Акселя» на закрытом заседании Общества свободной эстетики (3 февраля 1911 г.) и, по всей видимости, в студии скульптора К.Ф. Крахта, где собирался «Молодой Мусагет» (спустя шестнадцать лет один из участников А.А. Сидоров в стихах вспоминает это чтение). Также Волошин присутствует на чтении рефератов и публичных лекций, в частности выступает оппонентом на лекции Ф.Г. де Ла Барта «Психология литературной богемы» (25 января 1911 г.), которая касается Вилье де Лиль-Адана как «представителя богемы современной», и на публичной лекции Марка Криницкого «В защиту пошлого человека» (24 февраля 1911 г.). Судя по сохранившемуся конспекту («О смехе и пошлости»), Волошин в своем ответе Криницкому обращался к идеям «Акселя». Наряду с выделенными нами единичными фактами нельзя забывать о бесчисленных беседах Волошина с современниками, в которых безусловно появлялось имя Вилье де Лиль-Адана (много позднее Сергей Дурылин записывает в дневнике слова Вилье, приводимые Волошиным в спорах с русскими «неокантианцами»).

В последнем параграфе третьей главы – «***Католичество*** “***на весах совести***”***: французский вариант «Легенды о великом инквизиторе»*** – мы обращаемся к отмеченному в дневнике Волошина факту творческого переосмысления Вилье де Лиль-Аданом главы «Великий инквизитор» из романа Достоевского. Отмечается интерес французского писателя к теме инквизиции, отразившийся в его новеллистике («Любовники из Толедо», «Пытка надеждой») и повлиявший на образ Архидиакона в «Акселе». Представлена история появления французской новеллы «Торквемада» Анри Ля Люберна, в основу которой легла импровизация Вилье де Лиль-Адана под впечатлением от поэмы Ивана Карамазова; подробно проанализирован сюжет и идейная основа новеллы. При сходстве событийной канвы (рассказ о возвращении Христа, его заключении и освобождении окружает длинную речь инквизитора) во французском тексте пропадает проблема свободы человека в христианстве. Вместе с этим исчезает и

противопоставление свободы принуждению, на котором Волошин построил свою аналогию между «Великим инквизитором» и первой частью «Акселя». Делается вывод, что новелла, рожденная под впечатлением от «Великого инквизитора», внутренне дальше от творчества Достоевского, чем созданная независимо от него драма.

Глава 4. «Популярность»: издания, переводы, восприятие (1908 – 1920)

В завершающей главе диссертации рассмотрены разнообразные случаи литературной рецепции произведений Вилье де Лиль-Адана с 1908 по 1920 гг. – в период, когда творчество писателя, сохраняя репутацию «декадентского», выходит за пределы бытования в среде ценителей французского модернизма, становится доступным широкому читателю: отдельными изданиями печатаются сборники новелл и роман Вилье, новеллы и драмы публикуются в журналах и приложениях к периодическим изданиям. В данной главе изложение материала определяется жанровым принципом.

В первом параграфе ***«Новеллистика»*** сделан обзор представленной русскому читателю малой прозы Вилье де Лиль-Адана, а также проанализированы работы критиков и историков литературы, затрагивающие творчество Вилье де Лиль-Адана: заметка неизвестного автора в «Вестнике иностранной литературы» (1911. № 5. С. 26—29), главы из книг В.М. Фриче «Поэзия кошмаров и ужаса» (1912) и С.И. Родзевича «Тургенев. К 100-летию со дня рождения» (1918).

В дореволюционной России было издано пять сборников рассказов писателя, кроме того, выпущенное издательством «Заря» трехтомное Собрание сочинений Вилье открывалось томом «Новые Жестокие рассказы» (пер. С.М. Чериковера, 1911). Вслед за рассмотренной во второй главе нашей работы книгой «Жестокие рассказы», вышедшей в издательстве «Пантеон» в переводе Б. Рунт, одноименный сборник с другим составом новелл появился в издательстве В.М. Саблина (1909). Перевод новелл выполнен А. Мирэ, лейтмотивом всей книги стало сопряжение любви и смерти, характерное и для оригинального сборника переводчицы «Черная пантера» (1909). Если Б. Рунт рецензенты

упрекали в стилистическом безвкусии (избыток таких слов, как «милашка», «душка» и т.п.), то Мирэ сознательно уходит от подобной слащавости. Однако и ее перевод не идеален – в тексте встречаются неточности и шероховатости, связанные с буквализмами и синтаксическими кальками. Особенностью переводческого метода Е. Преображенской («Герцог Портландский», [б.г.]; ее переводы также вошли в книгу «Избранные рассказы», 1912) можно назвать стремление заменить французские выражения вольно-синонимичными русскими эквивалентами, однако иногда замены производятся без особой необходимости, а порой просто приводят к искажению смысла. В книгу «Тайна эшафота. Рассказы» (1909) вошли переведенные Н. Эфросом рассказы из сборника Вилье де Лиль-Адана «Высшая любовь». Кроме того, в 1909 – 1910-е гг. в различных изданиях периодически появлялись отдельные новеллы писателя.

Чаще всего на русский язык переводились рассказы из самого популярного во Франции сборника Вилье «Contes cruels» («Жестокие рассказы»). Кроме того, России были представлены еще четыре сборника писателя: «Nouveaux contes cruels» («Новые жестокие рассказы»), «L'Amour suprême» («Высшая любовь»), «Histoires insolites» («Необычайные истории»), «Tribulat Bonhomet» («Трибюла Бономе»). В целом русский читатель мог познакомиться с разными гранями творчества французского автора: наряду с откровенной сатирой («Машина славы», «Небесные объявления», «Поль и Виржини») переводились очень лиричные, проникнутые мистикой произведения («Тайные воспоминания», «Акедиссириль», «Правозвестник»). Нередко Вилье де Лиль-Адан представал в облике европейского Э. По (неоднократно и в разных переводах появилась «Пытка надеждой»).

В параграфе ***4.2. «Драматургия»*** мы обратились к русской рецепции двух пьес Вилье де Лиль-Адана. В архиве С.А. Полякова (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 4) сохранилась рукопись незаконченного перевода ранней драмы Вилье «Элен», датируемая, по нашему предположению, 1909 годом. Расшифровка документа и представленный в первом подразделе ***«“Элен”. Рукопись Полякова»*** анализ многочисленных правок позволяет проследить метод работы Полякова:

вначале переводчик записывает первый вариант, оставляя пропуски и перечисляя для некоторых выражений несколько возможных переводов, а затем шлифует текст, вписывая другими чернилами новые версии и зачеркивая менее удачные синонимы. Правки касаются последовательной замены некоторых слов другими («моховая скамья» – «дерновая скамья», «пузырек» – «флакон» и т.д.), подбора более удачных синонимов, превращения французских калек в русские фразы («я очень расположена к прощенью» – «я все готова простить»).

В целом, расшифрованный текст, несмотря на присутствие некоторого количества буквализмов и неточностей, позволяет говорить о внимательном отношении переводчика и к французскому, и к русскому языку. В ряде случаев С. Поляков показал себя более умелым переводчиком, чем М. Волошин в работе над «Акселем».

Второй подраздел посвящен пьесе «L'Évasion», представляющей собой незамысловатую версию сюжета о просветлении грешника. Драма была трижды опубликована в России, получив разные названия: «Свобода» (пер. Н.С. и Мирэ, 1909), «Пробуждение» (пер. И. Арденина, 1915), «Освобождение» (пер. С. Полякова, 1920). Указания Г. Чулкова и отложившаяся в архиве переписка Мирэ с Н.Г. Чулковой позволяют предположить, что за инициалами Н.С. скрывалась Н.Г. Чулкова (Степанова).

В этом подразделе рассматриваются условия появления и художественные особенности каждого перевода. В частности, анализируются разночтения в названиях и передача стилистически сниженной лексики, использование которой является важной чертой оригинала.

Представляя текст русскому читателю, каждый переводчик наметил свои ориентиры. Для Мирэ и Н.С. основной идеей пьесы стало осмысление понятия «свобода». И. Арденин, перекладывая текст для сцены, усилил морально-дидактическую установку оригинала. Для Полякова важна была социальная подоплека драмы: произведение оказалось конъюнктурным благодаря обостренной «классовой» ненависти к «буржуям» каторжника, доведенного до преступлений социумом. Подходы к передаче оригинала также оказались

разными. Удачнее всего баланс между близостью к источнику и органичностью русского текста был найден переводчицами журнала «Возрождение». Арденин очень вольно обращается с оригиналом, сокращая пьесу и уменьшая количество сцен. Перевод Полякова, напротив, почти дословен, что неизбежно приводит к неестественным для русского языка фразам.

Внимание к произведениям Вилье издателей и переводчиков, не претендующих на роль культуртрегеров, свидетельствует о том, что представление о французском писателе вошло в культурный арсенал относительно широкой аудитории.

Третий параграф четвертой главы – ***«Будущая Ева»*** – посвящен русскому восприятию этого романа, характер которого определяется соединением подробнейшего описания механизма искусственной женщины с мистическими элементами и метафизической трактовкой событий.

В первом подразделе отмечены русские издания романа (пересказ Ясинского в двух номерах еженедельника «Огонек», полный перевод М.А. Татариновой, составивший второй и третий том Собрания сочинений писателя (1911), частичная публикация в газете «Голос Провинции»), а также рецензии В. Гофмана и М. Волошина. Подчеркнуто, что появление русского перевода «Будущей Евы» не имело широкого резонанса среди читательской аудитории, но в творчестве некоторых отечественных авторов произведение Вилье нашло достаточно интересное отражение. В следующих подразделах представлено, как прочтение «Будущей Евы» отозвалось в критике Пяста, философской книге Бердяева и рассказе Мирэ.

В. Пяст, обращавшийся к текстам Вилье в двух работах – «По поводу последней поэзии» (Gaudeamus. 1911. № 4. С. 8—10 ; № 5. С. 8—11) и «Нечто о каноне» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 25—35), – первую статью полностью строит на образах «Будущей Евы». Влияние творчества Вилье чувствуется как в структуре, так и в стилистике работы, а героини романа становятся для критика символами определенного типа поэтического дара.

Н.А. Бердяев, неизменно высоко оценивавший творчество Вилье де Лиль-Адана («Утонченная фиваида», 1910; «Рыцарь нищеты», 1914), касается романа «Будущая Ева» в работе «Смысл Творчества. Опыт оправдания человека». Рассуждая о разнице между «творчеством тварным, человеческим» и «творчеством божественным», философ пишет о «демонизме» и «черно-магической» природе представленного в произведении Вилье изобретения.

Мотивные и сюжетные переклички с «Будущей Евой» обнаруживаются в рассказе Мирэ «Рамбеллино», героиня которого полюбила искусственного человека. При очевидной связи с «Песочным человеком» Гофмана, расставляемые русским автором акценты делают новеллу «Рамбеллино» более близкой роману Вилье. В обоих произведениях механическое существо вопреки научным законам и ожиданиям изобретателей оказывается наделено собственной волей и чувствами; автоматы способны приобщить своих избранников к таинственному «сновидческому» миру; ключевое значение придается вере героя в реальность искусственного существа, отсутствие ее ведет к неминуемой гибели автомата. Нарисованный Мирэ карикатурный образ американца-изобретателя, совсем не похожего на гениального Эдисона – создателя героини романа Вилье, заставляет вспомнить ученых-позитивистов, представленных в новеллистическом творчестве французского автора.

В **заключении** диссертации обобщены результаты исследования и очерчена эволюция восприятия творчества Вилье де Лиль-Адана в России на рубеже XIX–XX вв. Основные факты рецепции систематизированы по аспектному принципу, сформулированы выводы о разнообразных формах, в которых произведения французского мэтра были представлены широкой читательской аудитории.

Восприятие творчества Вилье де Лиль-Адана представляет собой достаточно своеобразный тип рецепции иноязычного писателя на рубеже XIX–XX вв. – в эпоху, характер которой делает проблему осмысления «чужого» художественного опыта особенно напряженной. Несмотря на репутацию, вполне соответствующую модернистскому канону (маргинал, идеалист, мистик, философ, Поэт, «гений»), Вилье не стал знаковым автором для русских читателей.

Тем не менее, в конце 1880-х – 1920 гг. в России достаточно большая часть его творческого наследия была так или иначе освоена – и впитана отечественной литературой «серебряного века». Помимо появления текстов, непосредственно свидетельствующих о рецепции произведений писателя (переводов и критических статей), восприятие его творчества отразилось на стилистике и образной системе ряда русских авторов, а также на жизнетворческих процессах эпохи.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК:

1. *Савина А.Д.* В.Я. Брюсов и О. Вилье де Лиль-Адан // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2013. № 5. С. 31—45.

2. *Савина А.Д.* Соединяя две культуры: начало литературно-критической деятельности А.В. Гольштейн. К истории одной публикации // Вопросы культурологии. 2014. № 7. С. 57—63.

3. *Савина А.Д.* Ф.М. Достоевский и О. Вилье де Лиль-Адан: взгляд из «серебряного века» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. № 5. С. 18—28.

4. *Савина А.Д.* Драма О. Вилье де Лиль-Адан «L'Évasion» в русских переводах первой четверти XX века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 4. С. 180—184.

5. *Савина А.Д.* Драма «Аксель» Вилье де Лиль-Адана в восприятии М. Волошина и М. Цветаевой // Вопросы филологии. 2015. № 2 (50). С. 83—90.

6. *Савина А.Д.* Предвосхищая «новую драму»: пьеса Вилье де Лиль-Адана «La Révolte» и ее первый русский перевод // Studia Litterarum. 2019. № 3. С. 72—91.

Публикации в других изданиях:

7. *Савина А.Д.* Сюжетная игра в малой прозе В.Я. Брюсова (на материале рассказа «Защита») // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 1. С. 46—52.

8. *Савина А.Д.* «Вилье де Лиль-Адан как писатель, как рассказчик – гениален»: В.Я. Брюсов об одном «проклятом поэте» // Брюсовские чтения 2013 года: Сборник статей. Ереван: Лингва, 2014. С. 574—583.

9. *Савина А.Д.* Французские корреспонденции А.В. Гольштейн в российской периодике // Россия и Франция: диалог культур: статьи и материалы: памяти Катрин Вьолле. Тверь: Изд-во М.Ю. Батасовой, 2015. С. 184—194.

10. *Савина А.Д.* Федор Достоевский и Огюст Вилье де Лиль-Адан: компаративистский сюжет глазами Максимилиана Волошина // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 494—512.